

СМЕНА

ЦЕНА 10 КОП.

XX $\frac{101}{T}$

13

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

В ДОМЕ ОТДЫХА. Лодочная пристань.

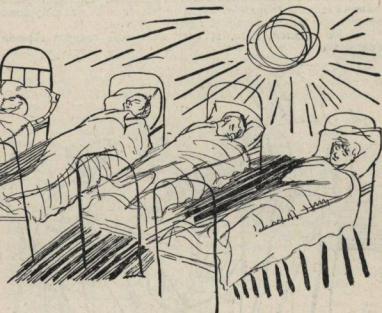
СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ МЛ. ВАСИМ

С ДОБРЫМ УТРОМ

РАССКАЗ П. МАШТАКОВА

(Из рукописей, полученных на конкурсе «Смена»)

ИЛЛЮСТРАЦИИ М. ГОРШМАНА

I

— Стало быть, я прямо люблю. Даешь—и никаких гвоздей!

— Ну, какая жизнь может развиваться, когда старики во всем противостоят?

Дышину... словно из пушек стреляли. Дыхнешь полной грудью—нашлем зайдешься. Накурят, нахаркают, а от ног вон портяночная—бррр... Одно отворишь—заклюют так, что и своих не соберешь.

— Разжарился?! Благодарю, мать-прямать... комса! Ты доживи—пока дуной плешь да борода лопатой сделаются—тараканом в шель полезешь, вас, комсомордых, только знай—учи. Да вы без нас—ни бя, ни мя!

Словом, вся каморка по слову—четырнадцать слов, четырнадцать «матов», уши загтыки. Чуть чего лишнего загнешь, они тут как тут; на подхвате мастера первой марки.

Вообще старый рабочий на комсомольцев смотрит так:

— Вы,—говорит,—дураки, учить вас надо, как нас учили, а учить вас так—вы законы, суд... ну и вот, что из вас: ни господу свечка, ни чорту керочка! Болтать вам—рука, делать—мука. Вы вот с пьянством боретесь... закрыли в рабочих районах Центроспирт. А Борька Булькин в своей каморке с приياته напился, подрался... видели?! Это ваша пук-солонга! Видели?!

Я — защищать.

— Нельзя так на всех указывать. Плохая корова все стадо заганит. Видели—боремся.

Нет, не отступают старики—упрямы, козлы старые. В духоте—духотой питаешься.

Срабка вечернего прилещь поздно, осветить надо... закутить. Какое—дожиться влетьмах. Одно спасение зимой—чистальня: там и воздух свежее, и запах журналов вкусный, и шапки—что хочешь «грязи», кушай!

::

Нам что: даешь—и никаких гвоздей! В ячейке на заседании бюро разбиралось дело о Борьке Булькине. Первым секретарь выступил:

— Он,—говорит,—выдвиженец, ему прощительно... старый комсомолец... отколосел... ближе к ячейке надо... авторитет терять на производстве!.

Пот с высокого лба секретаря скатился на протокол и как будто образовал печать—растекся, волосы крыльями черными раскинулись, брови вспархивали могущественно: резал, резал, и резал.

Борька то покраснеет, то на лице белые круги забегают,—хорош гудь, что и сказать, не первый раз; и заявление подад, кастая: «Не буду, свихнулся»...

Постановили:

... «Снять с работы, как выдвиженца: сделать двоякий вывод с предупреждением. Послать работать по двору на три месяца...» Исправится, мол.

— Неправильно,—думаю я.—Часть случаи в ячейках, нечего скрывать. Нужно новое что-нибудь. В яму, на самоубийство товарищей толкать строго,—решил я.

— Дай,—говорю,—мне слово.

— За? Против?

— Да!

— Неправильно, ребята. Давай разберемся, откуда зло, где корни?.. Тула и ударим всей комсомольской силой. Следить нам друг за другом надо! А все по разным каморкам живем, друг о друге понимать не понимаем... всех бы вместе нас в одну комнату. Я и сам не лучше Борьки... дышать тяжело... заниматься невозможно. Предлагаю общую каморку молодежи создать постольку, поскольку мы все, не хуже Борьки, на распуты... да... Надо же доверие какими-то путями завоевать от рабочих, больно они косо смотрят.

Пот с лица, раскраснелся.

Одобрили мое предложение единогласно.

— По организации общей комнаты молодежи я предлагаю Борьку Булькина наметить.

Секретарь меня поддержал:

— Работа новая, пусть займется... и Пашку помогать,—вместе дружить.

Все уши, мы остались с секретарем советоваться, куда какие ключи подбирать, за что хвататься.

III

Солнце падало косыми лучами на пол, где валялась масса окурков, затоптанных в грязь и пыль.

Секретарь сидел за столом и читал постановление пленума фабзавкома.

Мужики стояли и сидели на койках вокруг и слушали, скрепя сердце.

— Нож острый—комса. Задумали выселить, отделиться. Последние слова секретаря прозвучали твердо:

... — А посему комнату № 66 расформировать в трехдневный срок...

— А мы—скотина?.. мать-промать!..

— Выгонять нас!.. — заворчали было мужики.

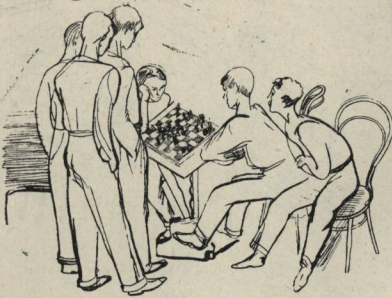
— Не пойдём!

Но хозяйка их решительно заявил:

— Чего там, ребята, трех дней дожидаться. Давайте лучше немедленно переберемся.

На месте, которое мне досталось, старик жил. Угол у него был завешен старыми запыленными иконами. Слово страсть какая завладела стариком, когда он стал снимать их: аккуратно нежно, как живое, больное. Ребята трунили:

— Не годится, дескать, богу молиться, годится горшки накрывать.

... там и запах журналов внусный, и шахматы...

Старик дико взглянул на всех, сгреб перьяныи богов подмышку и быстро, крупными шагами, ругаясь сквозь зубы, отперился к двери.

— Держи, держи...

— Ха-ха-ха... держи!

Все смеялись...

Клуб подарил плакаты и портрет Ленина. Кооперация—простыми а сделаны в кредит отпустила. Хозотдел—поломок. Словом, омоложение комитат произвели. Когда я вернулся с рабфака, сделал первый шаг в комнату—у меня на лице улыбка выграла. Прямо на стене висит портрет Ленина величественно, во весь рост... Громадно. Красная лампочка над ним горит, и Ленин, кажется, вот-вот вытаснит руку из кармана, возьмется за пепку и скажет: «Милости просим к нам». Два плаката черными буквами со стен лезут: «Не курить!».

Лица у ребят весенние, радостные.

Гришка хватил на гармонию «Буденного». Васька с почетом ваял лопку из рук у меня.

— А галочки под вешалку, у каждого свой номер, да-с! Имею честь доложить, что я—дежурный, да-с!

С такими словами обратился ко мне Васька...

В открытые форточки струится свежий мартовский ветерок; камнями полной грудью влагает его, потягивается, аевает. За окном в синем небе звезда прожит. Морозит. Сладко спать на свежем воздухе—тело плотное, сон крепче, здоровее и легче. Встаешь, чисто в постели—чисто на сердце. Каждое утро я еще сквозь сон слышу добрые похвальные речи ребят:

— С добрым утром!

— Ваше самочувствие!..

На стене играет утренный солнечный луч.

«С добрым утром товарищи»... улыбаюсь, кажется, выговаривают добрые уголки губ портрета Ленина.

Улыбаются ясные глаза ребят: «С добрым утром».

IV

Я что, я люблю прямо—и никаких гвоздей. Летний клуб у нас—закачаешься: во всей округе без трюника; главное, сад фруктовый, аллея песочком посыпана. Трава к июню под глотку яблоням, и они будто плавают в зеленой воде огрм-

ными пушисто белыми шапками, рассажены редко, с толком. Все, как полагается: на месте и лавочки, и музыка каждый вечер...

Но уж молодежь эта! Ютятся кучками, словно рыба в море, одни к одним редкие и все по сортам: и клубники, активисты-комсомольцы, ласности, восторупенцы, партийны и т. д., и т. п. Словом, в каждой группе свое: и левое, и правое, и умное, и глупое.

Я, стало быть, примкнул к активистам-комсомольцам. Авторитетные ребята, на каждом собрании чуть ли в дискуссиях в прениях радуются, и места передние в клубе всегда за ними. Любить я не люблю никого, дивился на влюбленных. Дружил я с Борькой Бульником—матый парень, волос белокурый пластом залезывает назад. Смелся много от легкомыслия и всегда под мою влиянием находился. Были еще товарищи: Ленька, Гришка—всех не перечтешь.

Весна эта мне в сердце новые чувства влила. До упалу хотелась Борька с Ленькой надо мной, когда я решил проводить Зину Ш. И сам я себе отчету не мог дать верных три недели.

— Что за оказия с Пашкой?

— Какие открытия!

— Поэзия на практике...

Каждый свой комплимент лепит мне в след. Что делать, годми—ничего не попишешь. А в комнате ребята смех поднимают.

— Вот он, говори мне в глаза.

И Ленин под красной лампочкой глаза сердито шурит, ругается будто: «Загулял, братишка, энергию не знаешь, куда девать. Книжка моя у тебя на столе запылилась, нечитанной в библиотеку пойдешь?»

Стыдно показаться! Раздумье и бессонница, в голове белым по черному вопрос громадный написан, и она в вопросе этом мило улыбаюсь, глаза крупные, голубые, как июнь, взгляд с поволокой, на лице вишневый сок разлит—то вспыхнет, то потухнет. Устанет голова, незаметно в сон уплывешь, и во сне все она.

— Вот те фунт изюму! Влюбившись?

— Брешешь!

— Стишок писал ей.

Ваша милость инстинктивно
Дышит свежестью, счастия,
Как поветра дорога
Госворьями дождями...

Часто утром, или на работу, встречались.

— Доброе утро!

— Доброй!..

V

Я прям: даешь—и никаких...

Прошла канникул—отощаю коту масленника. Солнечные дни вырели, пожелтели, в саду траву покосили, насквозь видно сая.

Редки встречи стали у меня с Зинкой: учеба, ничего не попишешь, загружен по глотку.

Дуется я Зинка. Чую что-то недоброе. Знаю, а сделать—значит время уделить; время уделить—от товарищей отстанешь. Несмыслек она, ветренность, да и мешанского я много выщелди, и все еще норювет своим отрядом хвастаться: во второй ступени многие так воспитываются.

Станция у нас яряю, а через «железку» мост переброшен для пеших. Вечером подолгу становал я, любилсь зрелищем равноцветных отней; и утрасные, и зеленые—местные, и протые, прибагающие из дали, на тьме по стыкам железных змей.

Я возвращался с рабфака, быстро отеряя по две ступеньки, поднялся на мост, хотел вздохнуть от беготни, да вздох посреди глотки застрял: что за оказия—уперл мостою винку стоит Зинка, добро бы одна, полдобра—с подругой, а то с товарищем, с Борькой Бульником; добро бы меня встречать, подобра бы прогуливалась, а то в такой пое, в какой и я не находился с ней. В сердце колыхнуло, в голове все теоремы перепутались: не доброе—я или не я стою; подошел, руку дал Борьке. Тот во вестрот улыбною, как кот после сметаны облизнулся. Я Зинке руку, та нехота, тряпкой, без сердца, подала. Махнул Борьке, тот удалился. Сердце мое кипело. Думал—и она теперь в такой же стадии развития влюблений. Набрал духу:

— А... так... что бы мне сказать!..

И слова эти не то мои, не то их ветер вломили в разный ритм мне, и при первом вздохе они, не согласовавшись с моей башкой, высказались неожиданно.

— Мне нечего говорить. Все переговорено!—бойко с полуборотом лица швырнула Зинка в меня холодным огнем своих слов.

— Эге, да ей бы хны, и не покоробило. По-другому у меня в сердце заглохотало:

Старин... сгрел деревянных богов подмышку...

— Как не стыдно!.. Я не ожидал... к вам, как к другу... так поступают женщины... и да... легкомысленные!... — пулеметом высмалит ленту слов.

Фонари закатились огненными головами, в удивлении тараша из тьмы воспаленные глаза.

— Ай-я-я... ну и молодежь... выродки.

— Гулять—так я не согласна, надоели сплетни, довольно вам об этом было сказано, — резала Зинка.

— Что, верно, Борька нравится?

— Я ко всем одинаково отношусь и с вами особенностей никаких не должно. Вы—комсомолец, должны общую дружбу иметь, и кроме—никакой.

— Вы, значит, против личности?

— Да!

— Опомнитесь, сообразите, вы заучились, «гимназистки».

А пока, до свидания. Надеюсь, измените взгляд?

— Прощайте.

.....
Когда переступил порог в комнату, глянул на ребят, все поднялись с коек.

— Вот он, говори ему в глаза.

— Пашка! Пашка, жалко нам тебя, беднягу!

Борька в кровати лежал, ехидно улыбался. Я подумал, что Борька расказал им...

— Иду со станции, а он елки-лавы, отворотился. Я думаю: «грешки кроются»—начал Ленька размазывать, подтрунивая надо мной.

Хотел ругаться с Борькой, хуже, думаю,—керосина в огонь. Стиснул сердце.

VII

Мы что? Нам даешь—и никаких гвоздей.

— Сегодня к нам должен приехать врач и обследовать состояние здоровья ребят,—поднимаюсь с кровати, доложил Ленька.

— Дежурный! Приведи в порядок!

— Понятно!

На окнах мороз папоротники нарисовал. Батареи дышали теплом. Чижик (секретаря мы так звали) пришел весь инеем покрыт.

— Врач приехал, в фазбавкоме сидит,—сообщил он.

Спустя минут пять, в комнату вошли врач и представители цеха.

— Прежде чем лечить болезнь, надо найти причину и знать горю. Сказав, врач принялся обследовать все недвижимое анате; прочел правила внутреннего распорядка комнаты, котрел посуду, койки, столы, спросил список проживающих; потом усеял, разложил приборы, протер очки и вежливо обследовать нас. Точность его движений и солидность его ности настроили нас сугубо серьезно.

Бата разделились до гола.

етка посмеивались:

— Во, в работенку взяли...

сле всего врач встал, снял очки, окинул всех взглядом, дым редким тверским диалектом начал речь:

Обстоятельства комнаты и отношение самих жильцов недурные... Одна беда—в вашей семье находится тубер-

кулезные зачатки, и жертвами являются Борис Бушкин и Григорий Милкин. —Врач сделал паузу, кашлянул.—Ваша задача: приложить все усилия и добиться чужков в диспансер. Я уверен, что ваша инициатива может двум вернуть здоровье. Я уверен, что молодежь поделится между собой здоровьем... Я впервые вижу коллектив, борющийся за качество здоровья... Меня волнует это *доброе утро*,—он указал на лозунг на стене.— Я поздравляю вас с добрым утром. Врач, вытирая вспотевший лоб, весело улыбался. Я глянул на Борьку, он тоже улыбался—болезнь его, как-будто, не волновала.

Мы остались довольны посещением врача, а после на собрании решили устроить три комсомольских воскресника, средства с которых «убить» в пользу больных ребят.

Сказано—сделано. Даешь, и никаких гвоздей.

VII

Подходили к зданию фабрики всей комсомольской ватагой. Высокая труба, казалось, чернее вырисовывалась по розовому восходу солнца. Фабрика отдыхла багатырски, блестящие глаза-окна ее удивленно глядели на веселую звонкую кучку комсомольцев: в первый раз ей видеть в день отдыха нас и слушать трудовую песню.

По двору раскиданы груды материалов лесных и старых машинных частей. Директор стоял в стороне с завхозом. Ребята весело хохотали, и, казалось, бубенцы там и тут звонко рассыпались по свежему морозному утру. Там вон четверо парней схватились за громадное бревно—телеграфный столб завалили на плечи.

— Давай, давай... сюда... сюда... к стене... разом! Раз!..

Копытились дружным муравейником—кто гнул проволоку, кто собрал кирпичи. Ленька с Борькой—хорошие слесари—четко выбирают в ящик чугуи из груды машинных частей, совершенно ненужных, ржавеющих под открытым небом. «Черный хлеб» для доменных печей! Все движутся, все онуют, напрягая мускулы. Дворна глазах принимает праздничный вид. Стучит, грохает, звенит... Вон узк Гришка, ловко размахивая метлой, зачищает мостовую.

Я схватился за обрубок рельсом.

Зинка, хохоча, подскокнла к другому концу.

— Паша! Давай вместе! Одному тяжело!

— Вместе?

— Ну... и-да... вместе... ну я, ведь...

— Давай... я согласен!.. Ваши ятры.

— Ах я, невежка,—с добрым утром, товарищ Павел!

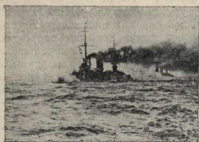
— С добрым утром, товарищ Зина!

На лице цветет жизнь.

воп. Серпухов.

СТИШОК ПИСАЛ ЕЙ.

МОРСКАЯ СМЕНА

Очерк Бориса РЕЙНА

В открытом море.

У СТАРЫХ красных знаний флотского экипажа гремят оркестры музыки, раздается военная команда, плохо воспринимаемая толпой молодежи в несколько сот человек. Многие из них в юнштурмовках, с котомками за плечами.

— Эй, братья, смотри, наша смена пришла!— кричат часовой у ворот группы краснофлотцев.— Скоро узнают они службу флотскую,— тряснул он ленточками новенькой бескозырки.

Шлюпочное учение допризывников.

— Меняй, брат, винтовку на пług,— кричат из толпы задорные голоса...

... В Балтийском флоте—большое событие: морские допризывники рождения 1907 года пришли для 32-дневного одоления морской науки, для того, чтобы осенью этого же года явиться во флот во всеоружии морских знаний на действительную военную службу.

Будем мы матросами, а пока примерим бескозырки.

Ленинградский военкомат порабатал доработо—надо было выполнить особое задание, отобрал для Балтфлота несколько сот отборных ребят, главным образом, комсомольцев. В результате 90% допризывников ленинградского морского допризывного пункта—комсомольцы-активисты, в большинстве—рабочие ленинградских фабрик и заводов, с производственным стажем от 2—8 лет.

В эти дни обычно пустынные казармы флотского экипажа на Крюковом канале нельзя было узнать. С утра ваялись ребята за уборку их, и к вечеру казармы заблестели. Появились стройные ряды коек с чистыми одеялами и белоснежным бельем, на полах—ни соринки, по стенам—позунги. К вечеру же были организованы в обеих ротках красные уголки и ленинские столы.

Командир—старый моряк с золотыми шевронами на рукавах—не успевает отвечать на вопросы обступивших его ребят. А те хотят охватить все сразу и чуть ли не в один день постигнуть всю морскую службу.

В углу, у окошка—группа допризывников с «Красного Путиловца», фабрики им. Луначарского и с Северной судостроительной верфи.

— Хотя бы у нас на фабрике,—возмущается один в шегольской юнштурмовке,—спервоначала объяснили, что мы должны здесь делать. Ни фабком, ни коллектив—ни гу-гу. Пришла, как спленье. Хорошо—комсостав здесь сразу объяснил, что и как.

— А вот у нас рассказали,—говорит комсомолец с «Путиловца»—даже папки специальные всем дали. К кому же у нас большинство сами просились во флот.

— Просились-то многие, да, к сожалению, некоторые только из-за формы. Есть и такие.

— Котати, ребята,—говорит командир,—вы теперь публика флотская и имете право одеть бескозырки с ленточками. Только на свои средства, а осенью придется—сразу выдадим казенные обмундирования.

Здесь же на дворе допризывники «грабят» стариков: — Будем тоже матросами, а пока примерим бескозырки.—Примерка идет во всю, по всему фронту.

Знания флотского экипажа построены хотя и на суше, но все-таки здесь все называется, как на корабле.

Дежурный по роте. Важно, с бело-си-ней перевязью, его похаживает по казарме, следя за порядком на «палубе» (пол), «трапах» (лестницах). Дневальный рядил ошибется, указав нужный вам «курилку», а не комнату.

Но с первых дней, конечно, не все допризывники уяснили себе основные правила.

Командир экипажа обходит с комиссаром обе роты. В помещении первой роты дневальный в кепке, с перевязью на руке.

— Вы кто?—обращается к нему командир.

— Дежурный,—отвечает тот, положив руки в карманы.

— А как надо стоять перед командиром? Вот я, ваш начальник, стою перед вами вытанувшись.

Комсомолец смущен.

— А что это у вас на рукаве?

— Как значок?

— Как значок? Как это называется?

— «Ряды»,—подказывает кто-то из толпы.

— Вот видите, другие знают, а вы, дневальный, не знаете.

— Для чего у нас штык?—обращается к другому командир.

— Не знаю.

— Как же вы не знаете, для чего вы это носите?

— Мне одели да велели в два ях стоять.

Начались странные занятия, что же обнаружилось? Молодежь пришлось учить пешему строю, начиная с азбуки. В строю оглядываются, смеются, не умеют поворачиваться, толкают друга.

— Странно,—пожимает плечами командир.—Ребята все в большинстве комсомольцы, 22 лет, а между тем совершенно не знают элементов строя. Вы сейчас кажнй пионер умеет маршировать. А еще юнштурмовки одели!

На это, конечно, надо обратить внимание наших организалиям.

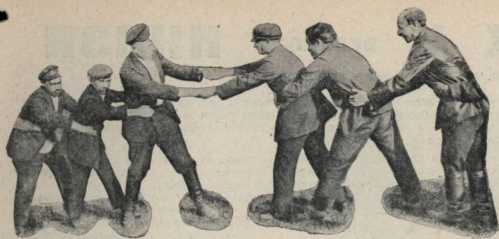
— Но через нелепо,—смеется командир,—вы их не узнаете.

И действительно. Через 2 дня на плацу морского допризывного пункта маршировали настоящие краснофлотцы.

Начальство из штаба, прибывшее проверить строевое учение, отозвалось об успехах допризывников с большой похвалой.

Допризывники буквально оживили старые казармы флотского экипажа. В особенности в отношении общественной работы. В первые же дни организовались всевозможные кружки, вплоть до кружка по изучению решений XVI Всесоюзной партконференции и XIII Партконференции морских сил Балтиора. Не успели развернуться казармы, а уже началось шахматный турнир, турнир пинг-понгистов и т. д.

Особенно большой интерес проявляют ребята к морскому делу. Правда, изучать его приходится несколько примитивно: нехватка необходимых приспособлений, преподавателем приходится все объяснять на словах. Хороших шлюпок почти нет—они пока что обещаны. Но, за исключением отдельных дефектов, работа на допризывном пункте кипит во всю. Уже началось шлюпочное учение, упражнения на мачтах, на штурм-трапах. Из нынешнего состава допризывников черпаются прекрасные, сознательные кадры новых морских бойцов Советского Союза.

Старички на экскурсии. Кто кого?

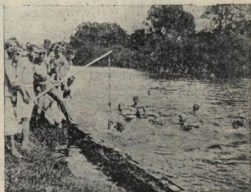
КАЛЕНДАРЬ ЛЕТА

На фотографиях этой страницы лишь отдельные моменты летнего отдыха, физкультуры и развлечений. Они далеко не охватывают всех летних возможностей восстановить свои силы, «омолодиться».

Читатель, завел ли ты календарь летнего распорядка времени. Дышишь ли ты летом? Или ты сетуешь на жару и заботливо смахиваешь пыль с утиных носов твоих ботинок?

В доме отдыха. Игра в серво.

Учат плавать на чудоке.

Массовая утренняя зарядка в доме отдыха.

Пробенка для установления дыхания.

Скоро полдень. Солнечная и воздушная ванна.

В ГОСТЯХ У ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Очерк М. ГРЕНА. Рисунки С. ПРУССОВА

СССР—единственная страна в мире, где рабочий имеет право на хороший отдых и ремонт своего здоровья. Десятки и сотни тысяч молодежи проходят за лето через Дома Отдыха. Однако, мы не всегда умеем культурно использовать эти блага. Нередко в Домах Отдыха отдельные т.п. не только не отдыхают сами, но и отправляют отдых другим.

Таким «барварам» посвящен помещаемый ниже очерк «с натуры».

В Д-О-О-О-Х...

Яркое утро.
— Начи-най.
Фигура в майке вросла в «капитанский мостик». Медленно сгибается поясок.
— Вляох.
И рубит, отдиная корпус и руки вверх:

— Вляох.
Губашки, трусики, короткие юбочки мелькают, начинают, приседают, ходят и бегают. Впереди рывок бежит инструктор и покрикивает:

— За дыханием следите, товарищи! Больше вбирайте воздуха!
И, оглянувшись:

— Фуражечку, кепочку снимите, товарищ, и не курите на площадке.
Тут же врач следит за физикултурой, а лентия из отдыхающихся (еу меня нога болит) поспрашивают и критикуют:

— Глянь-ка, Сермягин, у той вон, дымешкой, провалился я, сейчас,— каблуки своротят. А руками-то, руками машет—чисто мельница.

Но Сермягин не слышит: он нетерпеливо поглядывает на старинный черный циферблат на главном здании. Чорт бы побрал стрелку—подумаешь, барыня, чуть вернется... Небось, не пошла бы с семи вечера...

Наконец—звонок колокол... Ну, и аппетит здесь—особенно по утрам.

Впрочем,—у молодежи постоянно.

содрав ангела с пьедестала. Разве для того, чтобы, дурачась, вышел из шумной кампани Власов и прикрипел ангелу авиахимиковый значок:

— Все крылатые — в Осоавиахим! Ура-а-а...

и повар не терпел время. Он, игравши, наотгаив нянюку, с связями мчающуюся по дорожке аллеи.

Доктор доказывает группе молодежи, что она не умеет отдыхать. Павлинов усылхал и билелся.

— Может, и я, по-вашему, не умею отдыхать?

— Уж ты,—оглядел его своей литограф Кузнецов.—Ты который раз в доме отдыха?

— Сельмой!—с гордостью заявил Павлинов.

— Сельмой раз? Сколько же тебе лет?

— Двадцать один.

Старый литограф качает головой.

— И что же,—поправляешься?

— А зачем мне поправляться, собственно? Чохотка у меня, что ли?

— Павлинов!—смеется Сермягин.— Он, ведь, в перелетной служил—ему девчонка в перелетной попадет—только держись. Она-то поправится, а он поудет...

— Го-го-го!—грохочут ребята. Павлинов ухмыляется. Дамы делают вид, что сконфужены.

— Ну, что-ж мы стали,—капризно заявляет Тося.—Пойдемте на реку.

Кампания весело движется дальше.

— Надо на предприятнях добиваться,—говорит Кузнецов врач,—чтобы посылали только таких, кому действительно нужен отдых...

ПОД КОМПЛЕТ

Чужая! Володька разочарован в жизни. С опухшим от послеобеденного сна лицом он стоит у койки и эдаклом в руках и ворчит:

— Теперь вот чаю жми!—Не могут накормить, как след...

— Ну, чего гавкаешь?—с досадой отзывается молодой орехово-зубевский столляр.—Неужто брюхо не набил?

— А что, по-твоemu,—Володька швыряет подушку на койку,—по-твоemu, тут питание? Жутьничнее тут, а не питание. Мясо да мясо одно—только и жри.—Сахару оных восемь кусочков, масла... Что мне тут—поправка или голуба? На что и сода пришла, я тебя спрашиваю—а?

Дом куда лучше...

Он онемело тянет узкий ботинок за ушко—ушко не выдерживает и лопается. Володька матерится и плюет на пол.

— Ни-ну,—не верит столляр.—Сколько же ты зарабатываешь?

— Сто двадцать.

— Один?

— Жена да мать...

— Ну и, значит, врешь,—отворачивается столляр.

— Как такое врешь?—надувается Володька.—Сам ты врешь...

— Конечно! Небось, в Москве не много мяса вилить. Да что ж, с оными свалился—не знаешь, как теперь с продовольствием...

— Ну и наплевать, что в Москве,—злит Володька.—Раз поспали, должны

Скульптор смастерил ангела—девушку в легкой коротенькой рубашке.

ИСКУССТВО ОТДЫХАТЬ

Комсомолец Павлинов скучает. До сих пор он твердо знал, что его смазливый физиономия (как у «интеллигентного» ученика парикмахера) неотразимо действовала на девичьи сердца,—а тут какая-то девчонка посмела ему надерзать. Даже неудобно перед товарищами. Заглянул в тихую читальню. «Гэфу» и публика же: на дворе лето, а они газеты читают.

Тосянка мажется перед зеркалом, вправленным в мраморный камин, и громко шепчется с погурой. Павлинов подхватил упирающуюся девушку под руку и увлек ее в аллею.

Там он, уловив минуту, наклидывается на девушку с поцелуями, не смущаясь повара, пробегающего мимо. Впрочем,

АНГЕЛ В МАССАХ

У деревянных домиков, в которых живут отдыхающиеся, забавные названия: «Князь грусть», «Не чуй горе», «Привет друзей»... Первой с французского названий загородных дворцов и вилл, в которых прохланилась французская знать XVIII века. Как же московским «спаркианам» не сосканиваться такими звучными именами?

Когда-то здесь фланировали воздушные князья и их галантные кавалеры. Сейчас по той же чудесной липовой аллее прогуливаются коренастые наборщики и разбитые ткачки. Наборщики так же настояще ухватываются за дамы, а те не менее усердно пугаются и отнергают длину своих юбок, чтобы не сделать длинное моды, и игриво шлепнут ужажжоров новыми прутьями.

Под обрывком Москва-река, за рекой—синие-зеленые леса. С баскетбольной площадки слышны возбудительные голоса—полуголый задира Яша с кем-то спорит...

Парочки плетутся в конец аллеи, где краснеет круглая башня: в ней, говорят, светлейший леспот запырал на хлеб и воду всех непокорных ему—вплоть до своих любовниц. Одна на них не выдержала княжеского ирваа и бросилась в реку. Князь велел поставить на этом месте памятник. Архитектор смастерил ангела-девушку в легкой коротенькой рубашке. Теперь перестали это мрачлоное украшение зачем-то к «дворцу»,

кормить, как полагаются, одним словом под кофлет.

— Куда тебе?—намекается столляр, глядя на его лоснящиеся щеки.—Взоснишься, гляди, с жиром... Ты сколько прибавил?

— Четыре двести,—сопит Володька над шурками.—Ну, пошли на чай, а то дохнешь тут.

Столовая быстро наполняется. Стучат тяжелые стулья, звякают ложки, грузно раскланиваются над кружками увесистые медные чайники. Володька и Баранов спешат к окну—они сидят напротив друг друга. Подвигают к себе тарелочки с сыром и маслом. Тянут с общей хлебницы по два толстых ломтя ситного—про запас—и смачно чавкают, поглядывая, не остался ли у кого сахар и нельзя ли прихватить лишнюю порцию белого хлеба.

Чайники, наконец, встывают неподвижно над клеенкой в обедках и лужиках. Баранов тоскливо озирается на соседний стол—там сидят «железнодорожные», которым выписывают добоначный ситный, и масло, вместе колбас.

ХОРОШО БЫТЬ ХАМОМ

Такая славная прохлада вливается в окно—свежит после душного дня. Скоро тушить огонь, но спать неохота. Длинный, тупиловый Александр развлекся и выпячивает у Бориса, как это так вышло с комсомолом. У этой маленькой, круглой девчонки в конгшурмовке с телчяными глазами даже имени нет—все ее зовут просто «комсомолочка», и слово это звучит, как издевка.

— А, с комсомолочкой?—Борис плетет с досадой.—Провались она, дура такая. Идем мы там, с краю. Темно, ни чорта не видать. Ну, что же я дурак, буду случай упускать? А она: «равше я вам, говорит, кусок мяса?» Убошленка чортова...
— Кусок мяса! Ха-ха-ха!—хохочет Александр.—Это здорово!

Робята, опять до часу будите трепаться!—ворчит из-под одеяла расфасован Тимохин.—Угтому на вас нет, право. Разве не верно про вас читал вчера долгоносик?

Секунда неловкого молчания.
— А что такое?—любопытствует Серега Чуйкин.—Скажи, Тимоха,—я на вечер не был.

— Ну, ладно буду повторять,—недовольно говорит Александр.

— Сейчас—я тут у него списал,—Тимохин извлекает из книжки серый листок.—Слушай—я тебе главное прочту. Называется «Песня похажива»—понимается, будто он сам о себе рассказывает.

...Язык мой—гривная исчалка,
А рот—с промывки ушат.
Мне в мире никого не жалко,
Милей всего мне слово «крат».
... Толкнет парту углово
О равноправьи женщин всех.
Братшники, это просто вагонно,
Весь ты же курини на смет.
Пока ливочка—пусть радится:
Фигура, рожа мне нужна.
Серьезность ей пускаться не снится,
А то—на чорте мне оид.

— Тут про семейную жизнь,—а вот конец:

Эх—жить не тужить,
С матерщиною дружить...
Я скажу вам прямо:
Хорошо быть хамом!
Для чужой им рождены
Евою с Адамом?

— Вот так славно!—Серега подымается на локте.—Прямо в точку... А пугаю что?

Парочки плетутся в конце аллеи.

— Да что—аплодировали, а кому по закуриво попало, понятно, молчок.

«Герои» смущены. Они пробуют доказывать, что больше здесь и делать нечего, что на то у них кровь, а не вода, но как-то у них сегодня не клеится. Ругунашуют на прощанье, они гасят свет и уходят. Но Борис еще долго ворочается.

ПРОСТИ-ПРОЩАЙ, МОЙ 'НЕНАГЛЯДНЫЙ

Почему в прошлогодней сухой листве уютно прячутся прозрачные осколки, а под обрывом нежно прижались друг к другу две пустых бутылки со знакомыми ярлычками? А не даром Павлинов и вся его «свита» таинственно исчезли вчера в деревню и вернулись оттуда в сильно приподнятом настроении, с синяками на лбу и под глазом.

— Кто тебе балок поставил, Павлушка?—скидно спрашивает его ребята.
— Молчите, собачьи дети,—я деревенским наложил и вам накладу!—рычит Павлушка.

— Испугались тебя,—дрозит его Володька.—Не видали хахала. А знаешь—тебя, ведь, выписали: когда ты вчера с врачом разговаривал, он тебя и унюхал,—во!

— Ере!—становится Павлинов на дыбы. Но дело ячеее ясного—остается принять незаиспимый вид и ершительно петь/ать в всех врачей на свете. Однако,

на сердце немного скребет: шут их знает—еще напишут в путевке,—иди, потом разбирайся с язейкой...

Провожают Павлинова целый день. Стоит ему показаться, как его приветствует оглушительный хор:

Прости-прощай, мой ненаглядный,
Ты не возвращись назад...

напрягают парни и девчата, утирая глаза в знак глубокого траура. Павлинов выплывает грузь колесом, и хор шагает за ним по пятам. Те, кто не участвуют в проходах, изывают от этого бесконечного рева, и облегченно вздыхают, когда солнце, склонившись к закату, огненными пальцами указывает изгнаннику путь на станцию.

С блестящим коричневым саквояжем в руке шествует Павлинов павлином к переправе, а «палакшники» дружно рыдают:

Ушел, ушел, мой ненаглядный
И не возвращись назад...

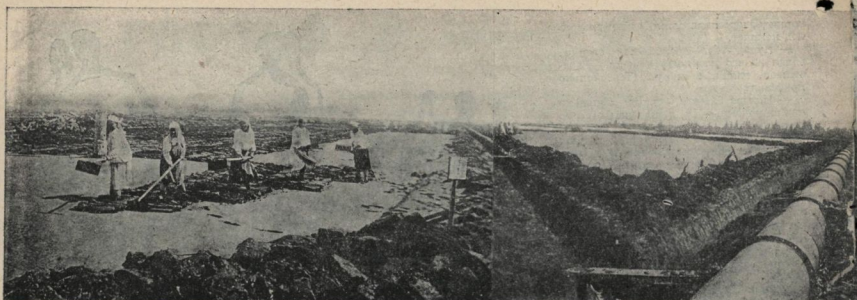
Когда же Павлинов прыгает в лодку и, качаясь на легких волнах, посылает Тосию, Катям, Лизам воздушный посылает, то, сам расторопный прощанием, кричит, отчаливая:

— Не унывай, братишки,—в тот год восьмой раз поеду...
И хор отвечает единой грудью:

Катись, катись, мой ненаглядный,
И не возвращись назад!

...Накидывается на девушку с пощелуями, не смущаясь повара...

ГИДРОТОРФ. Торфяные разработки по способу инж. Классона при электростанции его имени в Богородском у., Моск. губ. — подсыхающего торфа на участках; заливаемых жидкой торфяной массой; справа: трубы, подающие торфяную массу

НАКОРМИМ НАШИ ТОПКИ!

(Из очерков о пяти)

П. ЛОПАТ

НА СЕВЕРЕ Урала течет ясная, веселая речка Косва. Незадолго до войны зародилось новое предприятие—Кизеловские каменноугольные копи.

Кизелкопи имели свою электрическую станцию. Маленькая, дряхлая, полуразвалившаяся, она, пытая и выбываясь на сил, пыталась честно выполнять тяжелую и громадную работу, выпавшую на ее долю. А работа действительно была громадная. Надо было дать ток для сотен электрических ламп, освещающих улицы подземного города, дать силу электрическим подъемникам, спускающим шахтеров вниз и поднимающим оттуда тысячи тонн черного топлива. Но самое главное—ей надо было спасти шахты от удушья и наводнения.

И все это было вверлено на дряхлые плечи умирающей электростанции.

До поры до времени станция справлялась со своей работой. Но уже начиная с гражданской войны появились первые признаки удушья в Кизелкопях.

Электрические вентиляторы уже плохо работали, и от этого жаркая лень расплзалась по подземным улицам.

Насосы же все неохотнее и слабее тянут воду, и она шумит и прибывает, заливая один ящик за другим. Тьма наступает в подземном городе от тухлых лампочек, и зеленые струйки газа ползут по стенам.

Станция умирает... Это были страшные недели. Инженеры с часами в руках держали пульс больших машин. Монтеры круглые сутки не выходили из копей, занятые срочным ремонтом. И все чаще и чаще дребезжал телефонный звонок в наскоро сколоченном бараче в 20 км от Кизелкопей, где строилась новая электростанция, которая должна была спасти угольный район:

— Поднимайте, ускорьте, сделайте все, что возможно, но только скорей дайте ток в шахты!

Но это было не так легко. Стоял лютый 1921—22 г. На Урале—голодный паек, нет нужных материалов, денег и спецдеж-

Каменноугольная промышленность механизмуется. Экскаватор в Челябинских копиях.

ды. К тому же эпидемия тифа и отсутствие лекарств.

Неужели же отдать воде и удушью миллионы тонн по зарезу нужного стране каменного угля? И с исключительным напряжением воли и большими жертвами рабочие продолжают стройку.

Уже за предельную 35-метровую высоту выросло серое здание новой электростанции, уже идет внутренняя отделка, уже устанавливаются машины. Но и 300 свежих могил умерших рабочих выросли у здания новой электростанции, а телефонные звонки становятся угрожающими:

— Вода залита копи. Дайте же, наконец, ток под землей!

В минуту крайней опасности, когда вода и удушье стали властно овладевать копиями, когда, казалось, нет спасенья,—под дряблым проводом старой, умирающей станции хлынула, мощная омолодживающая волна электричества: это первый ток новой электростанции пошел в контратуку на удушье и воду.

Кизелкопи были спасены: десятки вагонов, груженных углем, снова идут с Урала в промышленные центры Союза.

Так, в бурные годы гражданской войны, окруженные голодом, тифом, блоками, врагами, мы отстаивали и чинили развалившееся угольное хозяйство страны.

И мы отстояли его! Даже больше. Починив, мы шагнули вперед: если в 1913 году мы добывали 28,9 млн. тонн каменного угля, к 1928 году эта цифра выросла до 35,4 млн. тонн. Мы достигли 122% довоенного уровня.

За прошлое десятилетие мы не только двинули вперед наше ископаемое топливо—каменный уголь. За это время мы открыли новое топливо—торф. Именно открыли. Потому что, если раньше, до революции, это было всеми пренебрегаемое топливо, если на нем работали лишь кустарные и мелкие электростанции, то теперь торф—признанное советское топливо. На наших торфяных разработках появились совершенные, от начала до конца механизированные способы добычи—гидравлический и фрезерный. На советском торфу начали работать такие громадные электростанции, как Нигре и Шаугра, которые вполне гордятся рекордной производительностью труда своих топов. Мы, наконец, почти в 5 раз увеличили торфодобычу по сравнению с довоенной добычей, доведя ее с 1,6 млн. тонн до 6,9 млн. тонн.

Тех же успехов достигли мы и на нефтяном фронте. Мы превысим прежний уровень, дойдя до 125% до-

военной выработки. Мы заступим покупать нашу «ворованку» нефть. Мы сверху до низу нефтедобучу, переведем на электричество, обслууживающую до машин, механизмов, до мысленности и все-таки нам же мы будем делать в громадную растущая промышленность больше запасов топлива?

Запасы советского топлива половина Сибири—сплошное течение рек прорезанный земли. И даже теперь, в 40-е годы, по сравнению с 1928-м мы не считаем ни единой тонны основного торфяного запаса, только на прирост торфяных процентов.

Наши каменноугольные запасы. Вот яркий пример. У нас около Москвы, лежит Подмосковный бассейн. Казалось бы, оно разведано. В действительности хвалиться знанием лишь 10% и еще 98% почти совершенно неведано. А вот второй пример. В неосозданно для самих себя чайный в мире (во всяком случае) гусский каменноугольный район, конечно, до сих пор совершенно неведано.

Короче говоря, если взять нам залежи угля, то каменного ископаемого в 400 млрд. тонн лежит в Кузнецком бассейне. Велики или малы эти цифры?

Представьте себе, что углем мы решили сменить в топках 100 лет. При этом мы ускорим машины будут круглые сутки, так же и с 8-часовым рабочим циклом.

Какую же работу выполнит Кузнецкий бассейн? Сколько рабочих нам надо было бы, чтобы выполнить ту же работу?

Оказывается, пришлось бы отсюда взять эту огромную массу, что размеры этой армии ни население 15 земных шаров женщины, старики и дети при-

грузчиков. А ведь на земном шаре живет свыше 1 1/2 млрд. человек.

И, наконец, нефть. Можно смело сказать: СССР—самая нефтяная в мире страна. В наших недрах лежит по крайней мере 40% всех мировых нефтяных запасов. И это не считая только что открытой уральской нефти, которая сулит нам самые широкие перспективы.

Наши недра более чем богаты топливом. Наша же промышленность, наш транспорт, наши электростанции попрежнему ощущают большой недостаток в топливе. Как же быть?

Нало, не медля ни минуты, усилить добычу этого промышленного хлеба. И наша пятилетка предусматривает бурный рост топливодобычи.

В грядущем пятилетии мы заставим работать новые, нетронутые пока еще нами Ткварчелы—богатейшие угольные залежи Закавказья. Мы всколыхнем наш Подмосковский бассейн, в 4 раза увеличив его теперешнюю добычу. Мы заставим работать наши торфяные болота, которые вместо теперешних 7 млн. тонн дадут нам 14 млн. тонн торфа. Мы увидим, наконец, и добычу нефти, доведя ее до 22 млн. тонн. Короче говоря, с 35 млн. тонн в 1928 г. добыча топлива дойдет в 1933 г. до 75 млн. тонн.

К концу пятилетки на нашем ответственном топливном фронте начнет осуществляться наш боевой лозунг: догнать и перегнать. Мы начнем решительно нагонять: если в 1933 г. добыча угля во всем мире будет составлять 112% по отношению к довоенному уровню, то добыча его в СССР составит 230% нашей довоенной добычи.

И все-таки, несмотря на такой размах, даже в конце пятилетки положение с топливом попрежнему остается напряженным.

Как же помочь этому горю? Чем облегчить наши топливные затруднения?

Прежде всего надо механизировать топливодобычу. И грядущая пятилетка отпускает в наши каменноугольные шахты «Электрические перфораторы»—умные и сильные машины, которые требуют от рабочего лишь управления ими, а всю тяжелую работу по откалыванию кусков угля от стен и потолка подземных коридоров берут на себя.

На торфяных болотах заработают мощные торфососы, высасывая жидкое топливо и по трубам переправляя его на сушильные заводы. А эти заводы приготавливают из жидкой массы сухие торфяные кирпичики и горы торфяного порошка.

Пятилетка введет механизацию топливоборьбы и, как следствие этого,—уменьшение топлива.

Научившись дешево и хорошо добывать, мы должны научиться и быстро перевозить топливо. И в пятилетку мы приступим к постройке двух мощных топливных сверхмагистралей.

Первая—сибирская сверхмагистраль: дешевым железнодорожным путем свяжет она неисчерпаемый Кузнецкий бассейн с Уралом.

Вторая—Волго-Донской канал: он дешевым водным путем соединит Донбасс с Поволжьем.

И, наконец, научившись добывать и перевозить, мы должны научиться и сжигать наше топливо. Мы должны объявить и мы объявим в грядущую пятилетку жестокую борьбу с обжорством наших толков.

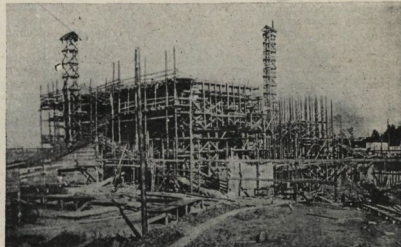
Сейчас, считая на круг, все топливные двигатели только 10% сжигаемого ими топлива употребляют на нужную работу. Остальные 90% расходуется зря. И в ближайшую пятилетку мы начнем беспощадную борьбу за них.

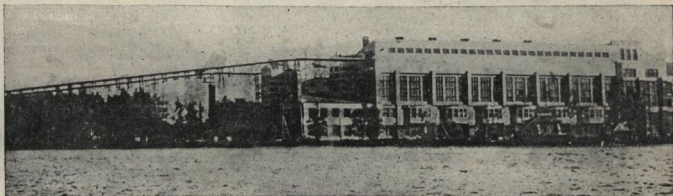
ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ НА ТОРФЕ. Балахинская электростанция.

Электростанция им. Классона на торфу в Богородском уезде, Моск. губ.

В Белоруссии (среди торфяных болот строится Осиновская электростанция (Осинстрой) мощностью в 20000 киловатт. На фото—сооружение главного корпуса.

Электростанции на торфе—Шатурская электростанция.

На фото—слева: резака

осу.

летке)

ИН

авили упрямуою заграничную (как они горюили) национализировали нашу электричество 97,2% всех болот.

в нашей топливной про- а не хватает топлива. Что дующую пятилетку, когда ность потребует вдвое

а багрянчицы. Северная торфяник, только по узкой полосой твердой 5 раз увеличив добычу одним довоенным годом, килограмма из нашего а. Мы живем исключи- х болот, на «торфяные

залежи далеко не исследо- в самого сердца страны, основной каменноуголь- ный должен быть прекрас- ности же мы можем эпо- 40% площади: осталь- нам неизвестны.

1921 году мы совершенно «вдруг» открыли вели- чинае по площади) Туи- ссейн в Сибири, который, шенно не тронут.

а даже только известные оудельные запасы Союза ин, из которых 250 млрд. асеейе. Вот маленькое раз-

ель Кузнецкого бассейна аровых машин в течение ились, что работать эти ки круглый год, не счи- ием, ни со днями отды- ивлет нам за эти 100 лет ко физически сильных пригласить, чтобы они

мы сильно призвудамся, рабочую армию. Потому маленькие: они равны считая при этом, что все вернулись бы в хороших

ЗНАМЯ — ДОКУМЕНТ

Очерк Семена ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО

Переходное знамя металлургического комбината им. Дзержинского.

Через несколько недель после начала, после знаменательного дня — молодой рабочий Лупало поместил в общезаводской газете «Дзержинец» такое письмо:

«Я, Лупало, недавно был осужден общественно-показательным судом за прогулы и снят со станка условно. Желая снять с себя это грязное пятно и обещаю всем рабочим механического цеха, что в течение 3 лет не сделаю ни одного прогула. В случае, если совершу прогул — согласен даже на расчет.
ЛУПАЛО»

— Даже баба Лупала и та обрадовалась за него! — сообщили всем ребята.

Из цеха в цех ползала эта весть, и десятки людей, прогульщиков, симулянтов и врагов начинали каяться.

Правед прогульщиков в заводской газете, черные доски в цехах, доски брака, доски простоев и предложений, ударные

Тов. Лупало, письмо которого приводится в тексте.

бригады безумных энтузиастов, «завешенных» стариков, организовавших свою очередь, свои бригады, — вот краткий перечень тех трофеев, которые имел в первые дни борьбы за знамя металлургического комбината им. Дзержинского (Каменское — Днепропетровск), на котором из 20 000 рабочих 5 000 молодежи.

В рельсобалочном приемщике недоверчиво осматривали и шутили рельсом. Эти рельсы отправлялись за границу — в Японию, Аргентину, Китай и Персию. Продукция рельсов увеличилась значительно, потому приемщики, удивляясь клину, который молоденькая забрала старикам, искали в рельсах — безрезультатно — изъянов.

Энтузиасты из рельсобалочного цеха давали в день в место 25 штук — 109. Бригада методической печи вместо 18 болванок — 26. Задание на апрель равнялось 9 500 тонн. Рельсобалочники дали 12 000. Рельсобалочники дали в прибыли и плана на 37%.

Расход металла снизился. Себестоимость рельсов «феникс» снизилась с 110 до 103 р., балки с 103 до 88 р., железнодорожных рельсов — с 107 до 75 р.

— Рыковцам клин!

— Ихняя не светит!

Цех торжествовал... — цех показал невиданные в союзное результаты.

Двадцатитысячная армия дзержинцев, вступившая в социалистическое соревнование с заводом им. Рыкова (Донбас) и заключившая революционный договор, подписанный 29 000 металл листов, — не зная, что рыковцы добились того же, если не большего, — праздновала победу.

Через несколько дней стало известно, что рыковцы добились тех же результатов. «Клин» начал выходить боком. Ра-

бочие бандажного цеха, добившейся производительности в 250 шт. бандажей в день, вызвали бандажный цех завода им. Октябрьской Революции в Луганске.

— Они шапкой накроют!

— Слабо им нас догнать! — говорили дзержинцы, посылая вызов заводу «О. Р.» Однако, «орловцы» сообщили, что они уже давненько выработывают не 250, а 260 шт. в день: дескать, нашли, чем удивить!

Вы, конечно, понимаете, что это за пилюля! Если еще добанить, что об этой пилюле сообщили в газете и девочки, и жены, и тети, и тети стали подтрунивать, «скабловать» над бандажниками.

Прошло 2 1/2 месяца. Пыл и энергия не ослабевали. Борьба между заводами выплилась в борьбу между цехами. Лучший цех должен был получить переходное знамя!

Комбинат внешне не изменился: на по-прежнему грузо вворачался, а его старинное и упругое тело дымилось несколькими десятками труб, образующих над заводами непроходимый серый зонтик.

Рабочие снимали расценку, девушки по вечерам стали не о тех звездах говорить, что расцвело в синей глубине неба, а о «звездах» — ударниках, рожденных социалистическим соревнованием.

Ударники решили вести в своих бригадах не что не обывайное. Первыми начали бригадиры, сумевшие переосмыслить стариков и дать им определенную зарплату энтузиастам. Бригадиры говорили приблизительно так:

— Мы — ударники! Мы снизили расценку, но зарабатываем больше. Мы все люди, многие из нас комсомольцы, а беспартийная «соловуха» — это комсомольцы без билетов!

???

— Я — бригадир, у меня разряд больше и я зарабатываю больше, чем Колька и Матвей, и Васяка первый, и Васяка второй. Колька зарабатывает больше Матвея..., а работаем мы одинаково по 8 часов, — кто как умеет.

???

— Я предлагаю: делить заработок бригады поровну.

... На следующий день об этом говорили не только комбинат, но и все Каменское.

О знамени же говорили так:

— Знамя — оно знамя, но... знамя — это так! Мы не из-за знамени, а чтобы все знали, что мы первые. Чтобы все знали, что мы старались!

Старались же все. К IX районной Каменской комсомольской конференции ребята рапортовали фактами, рапортовали перед лицом своих отцов, матерей, товарищей и коллектива.

А знамя? Оно лежало в ящике тихо и спокойно, не зная, что ярость массе, что энтузиазм, охвативший и усатых, и безусых, с экономивший комбинату им. Дзержинского миллионы рублей, кипел вокруг него, вокруг знамени — до момента о том, что пролетарский коллектив выявил свое лицо в социалистическом соревновании.

Рельсобалочники, стальными рельсами которых опутаны пространства Японии, Персии и Аргентины, получили знамя — «Документ, авторский всему пролетариату СССР по «клину» из «клевнеев»...

«Похороны» чучела пьльницы на комбинате им. Дзержинского.

ВЫБОРЫ В СТРАНЕ СПОРТА

Голосуйте за моего пашу.

В СТАРИННОМ здании Вестминстерского аббатства находится английский парламент. Еще в 1215 г. в первой конституции, так называемой «Великой хартии вольностей», было положено начало этому демократическому учреждению.

От тех давних времен нынешний парламент унаследовал много традиций и пережитков. Седой, дряхлой старинной ветвь от переселенных нафталином черных матий парламентских служителей, от их париков, треуголок и посохов. Традиционная фигура парламентского гласателя в средневековом одеянии кажется каким-то диковинным музейным экспонатом.

Традиционным является также обряд целования премьером руки у короля (эту миссию на днях пришлось выполнить лидеру рабочей партии—Макдональду). Даже в прениях членов современного английского парламента не отступают от уставленного этикета и именуют друг друга не иначе, как «достопочтенный лорд» или «высокочтимый сэр».

Вся эта традиционная важность парламентского ритуала, конечно, не мешает ожесточенной фракционной борьбе, спекуляциям, интригам в закулисной его жизни...

Выборы в парламент для англичанина, среднего избирателя, не разбирающегося во всех тонкостях «высшей политики»—прежде всего спорт: «кто раньше придет к финишу?» На последних выборах избиратели спорились близко об заклад, ставя известных мужей на Болдуина, на Ллойд-Джорджа или на Макдональда, точно так же, как ставят ставки на хорошую гончую или на рыскача на серби. И буржуазные партии (к ним мы причисляем и рабочую партию) это отлично учили.

Световые рекламы на небе, сотни тысяч выборных листовок на роскошной усадьме с портретами кандидатов в парламент и множество других методов расставания «своего» товара—обычная предвыборная обстановка в Англии.

Вот образцы беспринципного, если не сказать больше, отношения отдельных слоев избирателей к последним выборам. «Бое родственники мои изданна голоуют за рабочую партию, так зачем же мне нарушать традицию»,—так зачастую рассуждали многие, не согласные с тактикой рабочей партии, но все же поддерживавшие ее на выборах. За рабочую партию голосовали многие бывшие сто-

ронники консерваторов—из мелкобуржуазных кругов, которым политика твердолобых—Болдуина и компании—показалась чересчур опасной. Наконец, за рабочую партию голосовали многие рабочие, в которых еще сильным сохлательными иллюзиями. Кроме того, ее поддержали рабочие, в принципе не согласные с ее тактикой, но заявлявшие: «Устроимка Маку (Макдональду) последний экзамен. И в результате, рабочая партия «пршла первой».

Последние выборы прошли при активном участии молодежи. Ряд политических организаций молодежи пукался во-всю, чтобы распространить свое влияние на молодежь, которая в конечном счете могла воздействовать на своих родителей, родственников и знакомых, обладающих правом голоса. Кроме этого, на выборах наметилась борьба между «младшим и старшим поколением». Так, например, сын ярого, непримиримого твердолобого Стенди Болдуина—Оливер—выступал на выборах кандидатом от... рабочей партии и успешно громил лозунги, выставлявшиеся его небезвестным «пашаией». Однако, чаще сыновья и дочери парламентских лидеров, так сказать их «семена», выступали солидарно с отцами; среди них сын нынешнего премьера—Рамвая Макдональда, Малькольм.

На стороне консерваторов активно выступали различные «твердолобые организации» золотой молодежи, вроде Молодой Британии (Янг Британ) и друг. Особенно широко они развернули свою

деятельность в буржуазных кварталах крупных городов и в сельских местностях, где влияние рабочей партии весьма незначительно. Эти фашистские и полуфашистские организации при участии бойскаутов устраивали с большой помпой предвыборные шествия, парады и митинги на средства религиозных и благотворительных организаций.

Рабочая партия также проявила на выборах большое внимание к молодежи. Соответствующая идеологическая обработка была поручена опытным агитаторам.

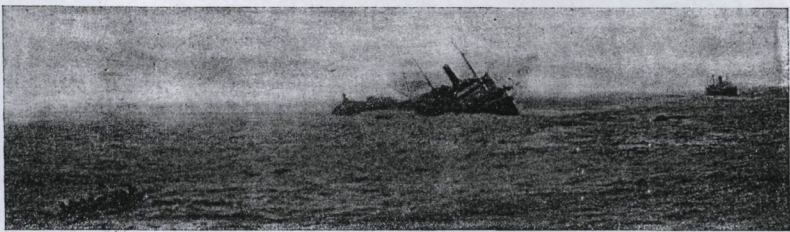
В предвыборную пропаганду были вовлечены даже дети. Один мальш, напр., сын некоего консервативного кандидата, раз'езжал по улицам в миниатюрном автомобиле с лозунгом: «Голосуйте за моего пашу».

Должны ли были компартия и комсомол вести пропаганду и выступать на этих выборах, которые, как говорят англичане, нередко превращались в «блэф» (комедию)? Безусловно, должны были. В своем предвыборном воззвании компартия подчеркивала, что она единственно выступает от имени рабочего класса, в то время как остальные партии от имени «нации». Компартия заявляла, что она, выдвигая своих кандидатов на выборы, руководствовалась не стремлением получить место в парламенте, а мобилизовать массы рабочих-избирателей вокруг своих основных политических и экономических требований. В отличие от выборов 1924 г., когда компартия рекомендовала голосовать за рабочую партию, на последних выборах 1929 г. компартия выступила самостоятельно и, следуя новой тактике Коминтерна—йти на полный разрыв с с.-д., бросила лозунг: «Класс против класса».

Вл. Рубин

Лидер консерваторов агитирует молодых «леди».

ПОХОД ПОД ВОДОЙ

Очерк А. ТРАВИНИЧЕВА

Пятнадцать лет отделяют нас от 1914 года, года объявления мировой войны. Давно подготовленная конкуррирующими империалистическими державами война официально была объявлена между царской Россией и существовавшей тогда империей—Австро-Венгрии. На деле же это послужило сигналом к вступлению в бойню всех крупных капиталистических хищников и зависимых от них мелких государств (всего до 29-ти национальностей). В этом кровавом столкновении под маской борьбы за цивилизацию сводили счеты империализм. Германия штурмывала Англию.

1 августа 1929 года международный пролетариат объявляет днем протеста против милитаристических замыслов мировой буржуазии и днем солидарности Советскому Союзу—стечению трудящихся всего мира.

В помещичьем классе страны Травиничев рассказывает о побое германской подводной лодки U-21—одной из первых подводных лодок, предпринявшей террор против военных флотов. В рассказе капитана Херсина (командира U-21)—типичного империалистического вожака—нетрудно различить оттенки вероискусного шовинизма; это, конечно, не может изменить нашего отрицательного отношения к национальному оппортунизму. Но если такие люди, как Херсин, заигрывающие буржуазии, проявляли максимизм преданности, заботливости и храбрости, то в деле защиты пролетарского государства мы, молодежь Советской республики, должны быть котомы к меньшему мужеству.

ОСЕНЬЮ прошлого года я возвращался из Америки на одном из германских «ляйнеров»¹.

Я ни минуты не пожалел о выборе этого корабля. Грандиозный, комфортабельный, построенный по последнему слову техники, этот гигант как бы воплощал в себе идеи последней войны.

Весь первый день я провел в ослепительном эгоизме этого города.

К ночи, когда затихли звуки музыки и танцев многочисленных «dancingroom'-ов» и толпа изжило и роскошно одетых людей, говорящих на всех языках мира,

разошлась из салонов в не менее роскошные каюты, я вышел на палубу, чтобы рассеяться от утомившего за день детального ознакомления с многоэтажным гигантом.

Мерная и мощная работа машин, плавное покачивание корабля, всплеск разбивающихся о борт волн, шум винтов, изредка сухие разряды беспроволочного телеграфа, характерные звуки отбиваемых склянок, лаконичная команда с мостика, вся эта симфония большого корабля, освободившая от дневного шума, производила всегда сильное впечатление, особенно ночью, среди океана.

На баше пробито четыре склянки. Ого! уже два часа—пора спать. Пройдя по опустевшей палубе, я спустился по трапу к каютам.

Навстречу мне по коридору шел высокий человек средних лет, с острым орлиным лицом и проседею на висках.

Его походка, во всей его фигуре, резком характерном профиле было нечто такое, что заставляло его обратить на него внимание.

Вот неожиданная встреча! Отто фон Херсинг—знаменитый «подводный корсар», как его окрестили англичане!

Я не был знаком с ним, но его лицо я слишком хорошо запомнил по фотографиям в немецких газетах и журналах во время войны.

Херсинг был первым из командиров подводной лодки, потопивший в начале сентября 1914 г. английский крейсер «Плофферингер»—первый военный корабль, потопленный подводной лодкой. После его карьера подводного корсара шла уже с головокружительной быстротой.

Потопил несколько пароходов у берегов Франции, Херсинг первый решается на беспрецедентный для того времени переход в Ирландском море.

В начале 1915 г. подводная война только еще началась, но ужас постепенно уже скопывал силы и волю торговых моряков.

К валулу между Англией и Ирландией было пока еще спокойно.

Корабли ходили по Ирландскому морю в Ливерпуль и обратно так доверчиво, как будто рядом, в Северном море, и не разыгрывались жуткие морские драмы.

Кто мог предположить, чтобы лодка могла так далеко отойти от своей баша? Однако, лодка U-21 уже шла в Ирландское море. Для сокращения пути надо было пройти Ла-Манш. Минные поля, сети, корабли противников кишели в нем.

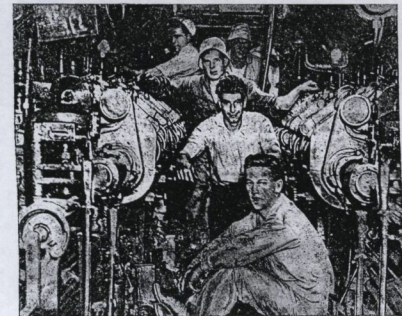
Ошибка англичан помогла Херсингу. Он обходил сети с их заместителями буями, прошел минные поля в отлив, когда неправильно поставленные мины качались на поверхности на полном воле, шел нередко на максимальной глубине и избег преследования эсминцев, конвоирующих английские военные транспорты.

Через канал Св. Георга—в Ирландское море, к Ливерпулю.

Под Ливерпулем Херсинг произвел первые налеты.

Вблизи доков находился аэродром. Ряд ангаров открыто располагался на

¹ Ляйнером (liner) называются трансатлантические пассажирские пароходы.

В машинном отделении германской подводной лодки U-21.

берегу. Самолеты стояли на берегу, часть кружилась в небе.

U-21 пошла вплотную к берегу и открыла огонь из своей четырехдюймовой пушки по ангарам и докам.

В 6 милях от Ливерпульского порта... U-21 несколькими минутами быстро артиллерийского огня пустила на дно 6000-тонный пароход «Бен Крахан», груженный углем для английского флота. Через три часа после этого пароход «Линда Блишн» взял курс на дно, вскоре за ним последовал «Вильгуз».

Слух о том, что подводная лодка топит суда у Ливерпуля был несомненно потрясавшим. Сторожевые суда устремились роem на это место.

U-21 тем временем пробивала себе обратный путь через Ла-Манш в Вильгельмсгафен.

Но «слава» Херсинга была впереди. Переход в Константинополь, потопление двух линейных кораблей у Галлиполи сделали его национальным героем Вильгельмской Германии.

Таков был мой визави по каюте. Вечером следующего дня я встретился с Херсингом в каюте капитана «Ляй-

Передаю его полностью.

«U-21 была избрана для выполнения сложнейшего задания, когда-либо данного подводной лодке.

Назначение — Константинополь! По прибытии принять участие в одной из самых страшных, показательных военных игр, разыгранных на жизненных подмостках, — в борьбе за Дарданеллы.

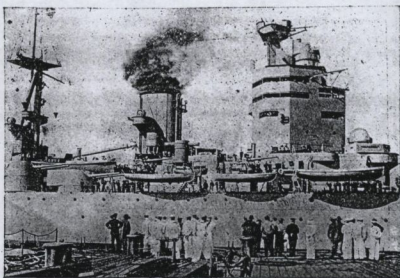
Сюда и к только что я привели свою атаку против Турции. Англия и Франция пробивали себе путь через Золотой Рог.

Сюда стянуты мощные эскадры — началось наступление на древний Геллеспонтийский пролив, эту узкую полосу воды между скалами, соединяющую широко господствующее Средиземное море с доверенной столицей Турции.

Чудовищные орудия эскадры союзников открыли огонь, засыпав береговые турецкие укрепления в проливе дождем 16-дюймовых снарядов. Бомбардировка началась с энергией, заставившей заговорить весь мир, и продолжалась со все увеличивающейся настойчивостью. Турки обратились к кайзеру с просьбой прислать им на помощь подводные лодки. Наш штаб согласился на эту трудно исполнимую просьбу. Выбор пал на U-21. Поход от Вильгельмсгафена до Константинополя являлся для подводной лодки задачей, не имеющей ранее прецедента. Однако, нужно было попытаться. Первая попытка должна была быть сделана одиночной подводной лодкой.

Подготовка к такому походу, естественно, должны были быть самые тщательные. Все делалось в строжайшем секрете. Основной идеей было захватить стоящие у Дарданелл корабли врасплох.

На долгом пути до Константинополя не было ни одного дружественного порта,

Империалисты вооружаются. Величайший в мире английский военный корабль «Нельсон», недавно законченный постройкой. Справа видны многоэтажные вращающиеся боевые башни, на которых расположены боевые орудия корабля.

в котором мы могли бы возобновить запас продуктов и топлива, пока мы не достигнем австрийского порта Каттаров Адриатического моря. А до него было 4000 миль. Ни от одной существовавшей тогда подводной лодки нельзя было требовать, чтобы она смогла принять достаточный запас для такого продолжительного похода. Нам необходимо было его возобновить где-нибудь между Вильгельмсгафеном и Каттаро. Адмиралтейство усповилось с одним из наших пароходов Гамбург — Американской линии «Маршала», что он нас встретит против берегов Испании и передаст на U-21 запас продуктов и топлива. Конечно, и этот проект требовал стожайшей тайны.

К тому времени, когда U-21 была приведена в полную готовность, главная атака против Дарданелл с моря все продолжалась. Береговые форты успешно отражали атакующий флот с тяжкими для него потерями. Было ясно, что корабли не могут бороться с крепостью и прорвать Дарданеллы. Союзники оставили этот план. Но это только означало, что бой у Дарданелл еще разгорится и станет более жарким и кровавым. По новому плану проливы должны быть захвачены атакой с суши, с переброской войска на берег и продвижения вдоль берегов пролива. Мы имели сведения о сильной концентрации войск для этой цели, и вот самый день, когда U-21 вышла в море, направляясь в Константинополь, австралийские и ново-зеландские полки высадились на берегах Галлиполи. Страш-

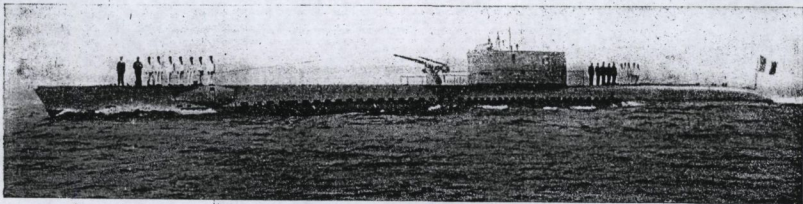
(Продолжение на 3 стр. обложки).

Схематическая карта маршрута подводной лодки U-21 (от Вильгельмсгафена до Константинополя).

нера», и Херсинг рассказал нам о своем плавании на U-21 из Германии в Дарданеллы.

Сляканы уже пробили полночь, когда Херсинг по просьбе капитана приступил к своему рассказу.

Новейшая французская подводная лодка типа «Ундина».

Трамовцы-ленинградцы с М. Горьким. Слева от М. Горького—тов. Соколовский, руководитель Ленинградского Трам'а. Большинство трамовцев в группе загримировано и спентаклю «Плавятся дни».

ЛЕНИНГРАДЦЫ В МОСКВЕ

В этом году москвичи с особым интересом ожидали приезда Ленинградского ТРАМ'а. Этому способствовал успех прошлогодних гастролей, а также слухи о значительных достижениях, приобретенных ТРАМ'ом за истинный зимний сезон.

Сцена из оперетты «Дружная горка». Об'яснение Гришки радиодиктора и Зины.

За первые две недели гастролей ленинградцы показали последние свои постановки: «Дружную горку» и «Клеши воздушницы», окончательное завоевав московскую рабочую молодежь. Целые спентакли, ангажированные для коллективного просмотра, в большинстве своем комсомольскими и рабочими организациями, сделали почти невозможным попасть в театр «одиночке». Слухи об успехе театра разнеслись за пределы Москвы, и сюда потянулись уезды. В ТРАМ'е побывали организованные эскурсии городоведов, двальцов-посадков, комсомольцев и других уездов. Переселу «Отчего, почему, почемуто» из «Дружной горки» можно услышать в трамвае, дачном поезде, на улице, в фойе кино-театра.

Что же представляют из себя постановки ТРАМ'а и в чем секрет их успеха?

«Дружная горка» является первым опытом создания комсомольской оперетты, легкого, развлекательного спентакли.

Действие ее происходит на коллективной комсомольской даче. Ребята весело проводят последние дни летнего отдыха. Осенер коллегива Маря любит комсомолку Зину. Во время дачного об'яснения на мостике Зина, не желая сознаться, что собрала букет полевых цветов для Маря, бросает его в реку. С этого все и начинается. Режиссер спентакли Воробушкин, страстный рыбак, закинув удочку, случайно выуживает букет. Онемевшему Воробушкину мерещится лагуна любовной зары, охватывающая членов коммуны. Воробушкин принципиально против любви и поэтому считает долгом сообщить о своем открытии такой же противнице любви—агитрону Люсе Цветиковой. Люся и Воробушкин об'единяются для совместной ликвидации любовной зары, выславшая ее виновников. Происходит ряд забавных приключений и трюков, в результате которых выясняется, что и самим Люсе и Воробушкину не чужды чувства любви. Все недоразумения выясняются, и дачная история кончается комсомольской свадьбой влюбленных.

«Дружная горка» ТРАМ' выйдя за основу старые традиционные формы оперетты, использовал их впервые на комсомольской теме и труппе и музыкальнй наряду с традиционными песнями и мотвами. Эта смелая попытка ТРАМ'а увенчалась пол-

ным успехом. Спентакли получили исключительно веселый и изобретательный, обильный танцами, акробатикой и физкультурой. Постановщик «Дружной горки» М. Соколовский знает секрет завладения зрителем. Этого он достигает введенным в спентакли всех элементов театральной выразительности, монтажем света, музыки, танца, игры с ве-

Сцена из «Дружной горки». Комсомолец Нолька вспоминает о днях, проведенных на флоте.

ми. Радио, введенное в «Дружную горку», служит не только для усиления голосов исполнителей. Оно перекликается действие в разные планы, подчеркивает отдельные моменты действия.

«Дружная горка» агитирует за пеломудренность любви, здоровый отдых, высмеивая сухих «теоретиков»—противников любви и естественной молодости молодежи.

Недостатком «Дружной горки» является нарочито коверканье куплетов песен и вульгаризация ряда выражений.

Агитерский коллектив ТРАМ отличается исключительной сработанностью и физической тренированностью. За истекший год он сильно вырос культурно и технически, продолжая настойчиво работать над своим совершенствованием. Поэтому многие представления еще не вполне ливидированные трагедиими недостатками сценической опытности и искусства в постановке голоса и диалогов.

Другое дело—«Клеши задумчивые». Это серьезный спектакль, обнимающий перед зрителем диалектику противоречий между производственным революционным лозунгом и потребительским отношением к жизни и производству.

«Клеши задумчивые» опронцирует обычные законы драматического представления. Как в самой пьесе (Н. Львова) дана только намекта для диалектического развешивания и показа театром ряда спорных положений и тем, так в производящие на сцене явления представляются театром и драматургом во всей их противоречивости, нарочно не «размешиваемые», без выявления сочувствия театра и зрителя и тем или иным персоналам представления. Здесь артист сам должен пережить в своем сознании материал спектакля и сделать свои выводы из двойственности сюжета.

Напряженность, с которой смотрится «Клеши задумчивые», делает спектакль не сразу доходящим до рядового зрителя.

Разве, в самом деле, не странной кажется «теория о том, как металлится, хорошие слова ребята, истина в социальном отношении с тенциальными, чуть было не эпохальными его из-за рвениями выношенности некоторых из «человек бригады? Или разрыв молодой пары—металлиста изобретателя Петеньки и его жены—вузовки Нюрки, по существу хороших ребят и комсомольцев, сплывающих в болото металлства, удержание материальными благами, и, наконец, бод Нюрки и сентантам?

Все эти противоречия, нарастающие от начала и сцене в спектакле, мучительно заставляют зрителя искать их правильного разрешения. И когда выясняется, что все зашло в тупик и что нет выхода, зрителю становится ясно, что в этой цепи противоречий—большая истина, полученная коллективом, precise чем он выработал правильное отношение и участие в социальном строительстве.

«Клеши задумчивые»—представление» большой глубины, новизны, оригинальности.

В этом представлении, помимо использования приемов светового, музыкального и радио-монтажа ленинградским ТРАМ'ом, удачно введено огромное зеркало, как бы раздвигающее рамки сцены, воспроизводя второе планы представления. Демонстративное оформление сценической площадки, состоящее из больших полукруглых плашваров, вращающихся по кругу, служит как бы для разделения на эпизоды вальчищих моментов действия.

Несмотря на оригинальность и необычность драматургического построения «Клеши задумчивые» именно в этой его части есть некоторые моменты, которые при любой активной их обработке и проработке их театром и зрителем все же кажутся неоправданными. Это—1) внепародийный показ сентантом и тем самым отсутствие разоблачения их классового лица и 2) рвительное отношение Петеньки—хорошего, честного парня, в самый ответственный и рисованный момент отваливается спать баллоны с кислородом—назвине случило и не оправданно.

В целом же коллектив своими работами: «Дружной горкой» и «Клеши задумчивые»—Ленинградский ТРАМ показал, насколько вырос и что его работы, посвященные целиюму диалектическому показу материала блага и жизни молодежи, укрепили его положение как комсомольского театрального агитпропа, утвердившего начало новой театральной системы.

М. ДОЛГОПОЛОВ

Сцена из «Клеши задумчивого». Ребята на вечеринке у Петеньки.

Физкультурный танец из «Дружной горки».

«Клеши задумчивые». Объявление Петеньки и Нюрки. На втором плане—отраженные в зеркале ребята, идущие на вечеринку.

О ПОВЕСТИ „АЛЕКСАНДР И АЛЕКСАНДРА“

(ДИСКУССИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ)

вести «несоциалистично». Они настолько учливо и правдиво обрисовали своих героев, что читатель невольно переносится в условия этой фабрики.

«Повесть произвела на меня огромное впечатление. Это не только на меня, но и на тех читателей, которые вместе со мной читали», — пишет А. Мишкин (Днепропетровск, окр.).

«Эта повесть», — признает красноармеец М. Тимофеев (Острожский, ЦЧО), — «развивает в человеке нехороший взгляд на женщину. Когда девушка выдвигается на более самостоятельную работу, то в мужчине зарождается ненависть к выдвинутой. Я с нетерпением ожидал продолжения повести, которая разбила также и у меня отрицательные стороны».

«Побольше таких повестей, ушащих рабочую молодежь», — выражает свое пожелание Б. Расовский (Харьков).

«Что привлекает читателя в повести «Александр и Александра»? «Динамика»

И. Ф. Аняев (Грязань) и И. Вишун (Харьков) задаются вопросом: «Повесть или занимательная история?», — как будто повесть должна быть скучной, не занимательной историей».

«Повесть цельного впечатления на читателя не производит», — пишет И. Вишун, — «читатель терпится в догадках, так как повесть не имеет развязки-конца, нет того жизненного вывода, к которому стремились бы она действующие лица... Сюжет повести слишком прост по существу и форме для такой большой социально-экономической темы». И. Вишун предвзят автором обвинение в том, что они лишь зафиксировали факты и не указали путей развязки коренных вопросов быта».

Ф. Аняев предвзят еще более строгие требования к повести. «Сна (повесть) не дает опыта, не показывает, как, ну, хотя бы, улучшить производство на фабрике (!)». Эпилог, конечно, тов. Аняев также не удовлетворяет. «Повесть можно печатать для чувствительных натур, но большинство хочет не развлечения, а воспитания».

Об исходе повести пишет также Н. Волков (Крымштадт). «Исход неправдоподобен. Все герои делаются такими, какими они менее всего могли стать». «Когда читать эту повесть, то создается впечатление, что в этом цехе, где работала Шура, не было ни одного сознательного рабочего и комсомольцев плелись в хвосте. Все до одного — склочники и вредители».

О том же пишет Д. Татьяна (Каменск). «В произведении хотя бы частично должна быть показана жизнь всего коллектива со всеми его проявлениями. Где масса? — строго спрашивает Д. Татьяна. — Где руководящие партийно-комсомольские организации? Навсем протяжении повести не сделано даже намека на их существование и влияние на участников повести... В общем, повесть большого воспитательного значения не имеет», — заключает она.

Если повесть «Александр и Александра» представляет интерес только для «чувствительных натур», по мнению тов. Аняева, то тогда трудно объяснить огромный интерес, проявленный, к примеру, красноармейцами № артеплага в г. Кинеш. Полковой библиотекарь П. Романов пишет нам: «Повесть с самого начала привлекла внимание многих красноармейцев нашего полка. Заменить это можно было потому, что в батареинские библиотеки под нашим красноармейцем беспрепятственно проходили новые, очередной № журнала «Смена». С таким же нетерпением читал и я сам повесть... она читается с тем напряжением нервов, с каким читаются редкие произведения».

Значит, и красноармейцы артеплага и библиотекарю, все — «чувствительные натур». Что-то не верится!

НА ПРОСЬБУ редакции журнала «Смена» к читателям — написать свой отзыв о повести Н. Богданова и В. Дмитриева «Александр и Александра» (№ 1—3 за 1929 г.) — поступило несколько десятков читательских откликов.

Подвлияющее большинство (за исключением пяти, о которых ниже) относится к повести одобительно, чтобы не сказать больше.

Тов. Ю. Орлов (Луга) от имени курсантов полковой школы учебного артеплага горячо благодарит авторов за интересную повесть, «повесть отражает самую действительность, читается с захватывающим интересом», «как подемся прихода журнала, так все наперебой: «дай, я первый прочту», «нет, я и т. д. каждый раз», «передайте авторам от имени красноармейцев горячие спасибо».

«С самого начала авторов поставили повесть в какую-то особенную, интимную рамку, придали ей характер разговора «по душам» и этим сделали повесть занимательной и «интересной», — пишет А. Бирман (Винницкий окр.). «Тема безусловно, актуальная. Попаина она мастерски: в мелких, случайных сценках, в мелькающих образах переливается многолетняя тема нашего быта. Авторы знают рабочую жизнь. Эпилог не нужен, искусствен и фальшив. Пусть автор вычеркнет его и оставит повесть неоконченной».

Являются ли действующие лица повести «Александр и Александра» яркими и типичными, характерными и реальными образами современной молодежи? Такой вопрос ставят гг. А. и М. Биленко (Полтава) и отвечают на него утвердительно. «Побольше таких произведений, которые помогают уяснить и искоренить недостатки», — пишут они в своем письме.

«Большая чуткость, большие внимательности к отдельным членам коллектива — вот основной стержень повести», — по мнению В. Груничева (Киев). «Тут чувствуется влияние Богданова, который уже в «Первой девушке» поставил этот вопрос. Разве рассказанное в повести — единичное явление? Часто из-за отсутствия человеческого отношения гибнут товарищи, подобные Майковой».

В. Груничев поддерживает начинание редакции «Смены», иллюстрировавшей повесть фотографиями.

П. Бухтияров (Севастополь) интересоделается с мнением своих товарищей, читавших, как и он, повесть. «У всех, ожидавших с нетерпением журнал», — пишет он, — «хороший отзыв».

П. Пелухов (Ленинград) считает, что заслуга авторов по-

ности действия и отсутствие авторских рассуждений, необычайная прямота сюжетной линии, простота и яркость языка делают произведение бодрым, охотно и приятно читаемым». «Многие товарищи», — сообщает М. Везуец (Ростов-на-Дону), — «высказывали мне свое мнение о повести, отмечая очень удачную завязку. Когда повесть начинается с представления «пугушек», думаешь, что это просто случайность. На деле это представление имеет прямую связь со всем происходящим в повести».

Просит передать привет авторам читатель В. Петухов (Маробласть). «Повесть бьет по большим местам молодежи: травле, вредительству и нездоровому отношению к девушке. Повесть повсюду интерес к журналу «Смена», — пишет Ф. Музыкантов (Полочк).

О том же сообщает гг. И. Шановлов (Белорусия), П. Дворниченко (Омск), С. Шальгин, С. Хуруй (Казахстан) и многие другие читатели.

Их деловые предложения передали авторам для внесения необходимых исправлений в повесть, которая подготавливается к отдельному изданию.

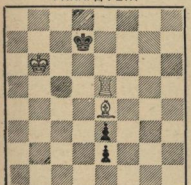
Перейдем теперь к товарищам, которые имеют о повести «Александр и Александра» мнение иное, нежели большинство.

ШАХМАТЫ

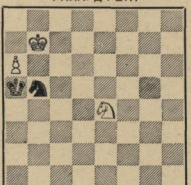
Под редакцией С. М. СЛОНИМА

Этюд № 1
РИХАРД РЕТИ

Белые: Кр b1, Л e1, С e1 . . . (3)
Черные: Кр d7, П e3, e2 . . . (3)
Белые выигрывают.

Этюд № 2
РИХАРД РЕТИ

Белые: Кр b7, К e1, П a8 . . . (3)
Черные: Кр a5, К h5 . . . (3)
Белые выигрывают.

ПАМЯТИ РИХАРДА РЕТИ

Неожиданное известие о смерти Рихарда Рети вызывает чувство горечи не у одного советского шахматиста. Еще недавно мелькали в газетах сведения о его предстоящем участии в традиционном нидерландском турнире и вдруг неожиданно приходит известие о смерти его от скраптинга. Больше исповедать смерти трудно было предумать. Имя Рихарда Рети было особенно попу-

лярно в СССР. Он был одним из первых гроссмейстеров, посетивших наш Союз и с особой симпатией относившихся к советскому шахматному движению. Его книга «Новая идея в шахматной игре», а потом «Учебник походов», издававшихся колоссальным тиражом, и автором нового дебюта названного его именем. В практической игре он проявлял всегда большую изобретательность и был несомненно самым гениальным шахматистом. В международных турнирах он одерживал крупные успехи. Ниже мы приводим выигранную им в Нью-Йорке партию с Капабланкой, когда тот был еще в расцвете своей славы, непобедимым чемпионом мира.

Рихард Рети был также популярным как шахматный композитор. Его этюды всегда отличались точностью замысла и исключительной экономичностью формы. В следующем этюде мы приводим образцы его композиций.

Шахматный мир знает многих талантливых шахматистов, но шахматиста подобной гениальности и культуры у нас не осталось, и с этой точкой зрения потери нами Рихарда Рети особенно тяжела.

ПОХОД ПОД ВОДОЙ

(Перенос со стр. 13)

ная галлиполийская трагедия началась. Корабли, конечно, должны будут принять деятельное участие в этой операции. Они будут восточу. Полноводная лодка сможет сыграть неурную роль в этой драме.

25 апреля 1918 года мы вышли из Вильгельмсгадена и взяли курс на север.

Английский Ла-Манш был тогда чрезвычайно опасен для полноводного плавания из-за целого ряда установленных в нем мин и сетей, нам же не следовало лишиться раз подвергаться риску, пока мы не достигнем места назначения. Поэтому мы избрали более долгий путь восточу. Шотландия и северный морской Орнейский остров. Мы шли вперед, думая только о своей задаче. Всякий встречный корабль мог представлять собою приятную дичь для других подводных лодок, но для нас он имел никакого значения.

К северу от Орнейских островов на море был густой туман. Мы продвигались в наводном состоянии. Внезапно туман рассеялся.

«Донсереттер!» — мы оказались среди створных судов. Они окружали нас со всех сторон.

«Положить!», — просигнализировал ближайший от нас сторожевой корабль, предположив, очевидно, что это может быть только английская лодка. Мы не горюпшие погрузиться в воду и, в конце концов так этого и не сделали. Пелена тумана опять замкнулась над нами, и мы развили полный ход. Сторожевые суда тиснетю искали нас, как слепые. Закутаные туманом, мы легко проскользнули через сеть британской блокады.

Через неделю после выхода из Вильгельмсгадена мы находились против северозападного берега Испании и приближались к мысу Финистер. Жаркое солнце, спокойное море и мы — я и помощник, — следующие с палубы горизонт с такой же горячностью, как если бы мы высматривали для торпедирования английский сверк-предоут. Наконец, мы увидели лодку на горизонте. Он становился яснее. Стал обрисовываться силуэт корабля. Да, это была «Маршала», наше продовольственное судно. Вскоре мы оказались достаточно близко от дружелюбного корабля, чтобы обменяться с ним сигналами. «Маршала» направилась к берегу. Мы

последовали за ним в Рио Коркубион, где ночью, став у его борта, мы приняли большой запас пищи, более 12 тонн солерозового масла и 2 тонны смазочных масел. Краткое пребывание при этой таинной ночной встрече, и мы опять отправились вперед, радуясь на полные нефтяные цистерны.

Но радость наша скоро омрачилась: «Соляр», взятый нами с «Маршалы», откачался гореть в наших дизелях. Мы бились над ним, производили опыты, но тщетно. Мы попробовали смешать его с нашим старым солярком, — результат получился такой же, как если бы в хорошее яйцо положили испорченное. Мы находились в двух тысячах миль от нашего дома и еще значительно дальше от Каттаро. Мы вышли, имея запас топлива в 56 тонн, а теперь у нас оставалось всего 25 тонн.

Я должен был принять какое-то решение: вернуться в Вильгельмсгаден или идти вперед в Каттаро. Или то и другое едва было заманчиво. Нам уже было израсходовано 31 тонна соляра, теперь же для продолжительного похода назад по тому же пути у нас оставалось только 25 тонн.

(Окончание в след. №-ре).

ПАРТИЯ № 4

Дебют РЕТИ

Белые: Р. РЕТИ

Черные: Х. КАПАБЛАНКА

1. К g1 — f3 К g8 — f6
2. c2 — c4 e7 — g5
3. e2 — e4 c8 — b6
4. С c1 — b2 0 — 0
5. g2 — g3 h7 — h6

Понамест партия равна. Но тавтона у динамика дебюта Рети, что вполне можно было равное положение заключает всегда в себе различные угрозы.

6. С f1 — g2 С c8 — b7
7. 0 — 0 d7 — d6
8. d2 — d3 К b8 — d7
9. К b1 — d2 e7 — e5
10. f1 — d1 e2 — f3 e8 — e5
11. f1 — d1 a7 — a5

Ход, ведущий к закрытию игры.

12. a2 — a3 h7 — h6
13. К d2 — f1 e7 — c5
14. b4 — b5!

Белые благодарно отказываются от выигранных пешек после 14. b4. b5. 15. К f5 — e5, С b7 — d6. К e5 — d7. e2 — e3 и т. д. т. н. черные, благодаря прекрасному полному слою c5, имели бы вполне достаточную компенсацию за пожертвованную пешку.

14. К f7 — f8
15. a3 — a4 Ф e7 — e4
16. d3 — d4 С b7 — e4
17. Ф e2 — c3 e5 — e4
18. e3 — e4 К f6 — d7
19. Ф c3 — d2! e5 — e4

В надежде выиграть пешку.

20. С b2 — d4 Ф e7 — e4
21. С d4 — f7 К g8 — g7
22. Ф d2 — b2!

Вот этот шах Капабланка, очевидно, просматривает (белые защищают пешку b).

22. К g7 — g8
23. Л d1 — d6 Ф e4 — e5
24. Л f1 — d1 Л a8 — a7
25. К f1 — e3 Ф e5 — h5
26. К f3 — d4!

Самый сильный в этом положении ход. Предлагаем читателям найти самый способ выиграть в этом положении ферзя за 2 фигуры и пешку, способ, от которого Рети благодарно отказался, т. н. он затравивал:

26. С e4 — g2
27. К g1 — g2 Ф h5 — e5
28. К c3 — d4 К c5 — e5

Белый метнулся ферзя!

29. К e4 — c6 Л a7 — e7
30. К e4 — e3 К d7 — e5
31. Л d1 — d5

Черные сдались.

ШАШКИ

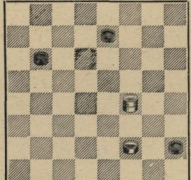
Под редакцией В. В. МЕДКОВА

3-й конкурс решений задач и этюдов

Этюд № 10

А. БЕЙЛИНСОН (Смоленск)

Печатается впервые

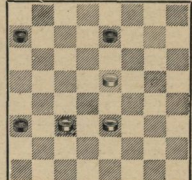

Белые: Д. b4, ф. f2 (2)
Черные: П. b6, е7, h2 (3)
Белые начинают и выигрывают.

Этюд № 11

П. С. МАЛЮК (Краснодар)

Печатается впервые

Белые: пр. c3, e3, e5 (3)
Черный: пр. a3, a7, e7 (3)
Белые начинают и выигрывают.

ИГРЫ МОЛОДЕЖИ

ОЛЕНЬ И ОХОТНИКИ

ИГРА эта—военноспортивная. Цель ее—привлечь участников навыку, необходимом

4. За каждую ошибку оленя у него вычитается полтора очка.

УКАЗАНИЯ ИГРАЮЩИМ

1. Для определения, кто ближе всех приблизился к оленю, рекомендуется от центра площадки расставить сигнальные флажки в виде флажков, палок, пенька и т. п., отмечающие расстояние от центра.
2. Охотники могут пользоваться и искусственными прикормками, например, перемешав вместе с мушкетерской едой ветку и т. п.
3. Отметки о ходе игры ведутся судьями, который немедленно отмечает результаты. Это исключает ошибки, могущие произойти при отмене результатов по окончании игры. Учет очков ведется на разграфленной бумаге.

Самсон ГЛАЗЕР

ИНТЕРВАЛЫ

Заграничной эта игра постепенно начинает пользоваться все большим и большим успехом. У нас же в СССР об этой игре слышали немногие. Между тем, у нас имеются все данные, чтобы стать спортивной игрой и получить, очень странное. Она очень заманлива и подкупающа, имеет много тактических возможностей и отличается от существующих игр с мячом тем, что в ней невозможны грубости, насилие, например, в футболе, баскетболе и т. п.

Одновременно в этой игре можно участвовать две команды по 6 человек в каждой. Инвентар для игры заключается в мяче, таша, применяемого в баскетболе, волейболе.

Площадка для игры должна быть длиной в 30 метров, а шириной в 20 метров. Площадка делится на 12 коридоров, каждый длиной в 20 метров, а шириной в 3 метра. По углам площадки ставятся корзинки. Вид площадки для интервала во время игры изображен на рисунке.

ПРАВИЛА ИГРЫ

- 1) По ирбеною одна из команд считается «нападающей», а другая—«защитной». Команда «нападающая» занимает коридоры площадки через один. Свободные коридоры занимает команда «защитная». Каждый игрок в команде на майке имеет свой номер. Таким образом, каждый коридор имеет номер, номер которого от 1 до 6, и зависимость от того, в каком месте находится игрок.
- 2) Распределение игроков в командах следующее: 1 номер команды становится в коридоре у своей корзины, 2—через один интервал

и т. д. Таким образом, между игроками игроком—интервал, в котором находится игрок команды противника.

3) Мяч дается в руки первому номеру нападающей партии.

4) Игра начинается по свистку судьи.

5) 1 номер нападающей партии старается кинуть мяч через или под игрока защищающейся партии (6 номер) к игровую своей партии (№ 2), стоящему в коридоре через интервал.

6) 6 номер защищающейся партии старается мяч перехватить и бросить в сетку нападающих. Во всяком случае, защищающийся всеми мерами должен стараться помешать мячу пройти через его коридор.

7) Если мяч от 1 номера нападающей партии перенесен на 2, то 2 в свою очередь старается передать его 3 из своей партии. Этим уже мешает им 3 номер защищающейся партии.

8) Если не мяч во время перебрасывания удастся захватить игроку защищающейся партии, то игрок становится нападающей, а нападающая—защитной.

9) Цель каждой команды—пронести мяч через сетку противника и попасть им в корзину.

10) Если мяч пролетел выше сетки, но в корзину игрок не попал, промахнулся, то мяч переходит к защищающейся партии, и она становится нападающей.

11) Если во время перебрасывания мяч вылетит за пределы площадки, то он передается ближайшему игроку партии противника.

12) Мяч дергать игрокам в руках разрешается не больше одной секунды. Подбрасывать его можно вверх, но не больше трех раз. Также и ударить им об землю своей площадки. За нарушение этого мяч переходит к 1 номеру партии противника.

13) Перебрасывать мяч больше, чем через один интервал, не разрешается. За нарушение мяч переходит к партии противника.

14) Если не игрок нападающей партии видит, что ему очень трудно пробраться через

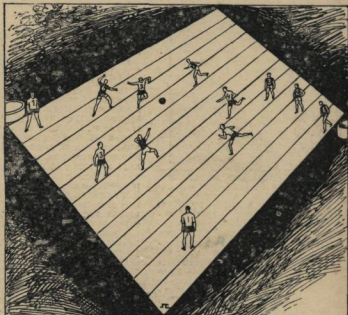
в условиях (боевой) военной обстановки. Игра развивается с одной стороны (у оленя), наблюдательность и острота зрения, а с другой (у охотников)—искусство пользоваться окружающей обстановкой для незаметного подкрадывания к цели. Лучше всего эту игру проводить на прогулках, экскурсиях на город, а также в военных походах. Число участников в игре не ограничено, но желательно, чтобы их было от 15 до 20 человек. Эта игра проводится на открытой луговой равнине размером 30 x 30—40 метров, окаймленной со всех сторон кустарником, деревьями, лианами и т. п. маскирующими «охотников» предметами.

ПРАВИЛА ИГРЫ

1. По ирбеною или назначению один из играющих становится оленем, а остальные охотниками.
2. Олень идет в центр луговой (см. рис.), а охотники расходятся в разные стороны на расстоянии 100—120 метров от центра.
3. Игра начинается по сигналу судьи—незаметно посредством горня или ружья.
4. Цель охотников—исследовать обстановку, приблизиться как можно ближе к оленю, оставаясь им незамеченным.
5. Олень, в свою очередь, делая по два три шага от центра площадки во все стороны, направляет все свое внимание и зрение к тому, чтобы заметить приближение притупившихся охотников.
6. На всю операцию подкрадывания к оленю дается от 3 до 5 минут, и одновременно от расстояния равномерная охотников от оленя и окружающей обстановки—местности.
7. Каждый замеченный оленем охотник выводится из игры.
8. Судья по указанию оленя выводит замеченного охотника из игровой или позиции.
9. Олень должен быть очень осторожным, чтобы не попасть судье к месту, где лет охотника—за это у него вычитаются очки.
10. По истечении обуславливаемого срока раздается сигнал, знаменательный конец игры. Все охотники должны «расшифровать» т. е. показать, где они находились.
11. После сигнала также бы то ни было чередование охотником запрещено. Замеченный в перебивании после сигнала выводится из игры.
12. Выиграет охотник, приблизившийся ближе всех к оленю и не замеченный им.
13. Игра повторяется от того, как близко был охотник по одному разу оленю.
14. Выиграет игру участник, набравший большее количество очков.

СЧЕТ В ИГРЕ

1. Олень получает за каждого расшифрованного охотника по три очка.
2. Охотник, приблизившийся к оленю, подучив очка в зависимости от того, как близко он приблизился. Первый охотник, находившийся ближе к оленю, подучает двенадцать очков, второй—десять, третий—восемь, четвертый—три очка. Остальные охотники не получают ничего.
3. Если олень во время игры успеет расшифровать половину охотников, он дополнительно подучает двенадцать очков.

Самсон ГЛАЗЕР

ДВУНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

„С М Е Н А“

№ 13

июль

1929 год

СОДЕРЖАНИЕ: П. Машаков—С добрым утром (рассказ комсомольца), Б. Рейн—Морская смена (очерк). Календарь лета (фото-страница). М. Грев—В гостях у великого князя (очерк). П. Лопатин—Накорим наши топки! (из очерков о Вятке). С. Днепротровский—Знамя-документ (очерк). Вл. Рубин—Выборы в стране спорта (очерк). А. Травиничев—Поход под водой. М. Долгополов—Ленинградцы в Москве (последние постановки ТРАМ'а).

Страница читателей. Стихотворчество. Игры молодежи. Шахматы. Шашки. Иллюстрации художников М. Горшмана и С. Прусова.